

Рашид ЭМИРОВ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНОПОЛИТИКИ И ГЕОПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Статья посвящена анализу одного из ключевых, на взгляд автора, факторов, определяющих геополитическую ситуацию на Северном Кавказе с точки зрения обеспечения региональной и национальной безопасности Российской Федерации. Главное внимание концентрируется на наиболее значимых внутрирегиональных аспектах данной проблемы. Показано, что значимость Северного Кавказа как самого южного пограничного геополитического пространства РФ в значительной степени определяется тем, что это самый сложный по своему этнонациональному составу, показателям социально-экономического развития, высокому уровню конфликтности и т.д. регион РФ. По мнению автора, множество проблем, в т.ч. высокая конфликтность региона, теснейшим образом связаны именно с этим фактором. Поэтому нейтрализацию центробежных тенденций в национальных субъектах федерации необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи геополитики, этнополитики и безопасности.

This article analyzes one of the key, in the author's opinion, factors determining the geopolitical situation in the North Caucasus from the point of view of ensuring regional and national security of the Russian Federation. The main attention is focused on the most important aspects of the problem of the region. It is shown that the importance of the North Caucasus as the southernmost boundary of the geopolitical space of Russia is largely determined by the fact that it is the most problem region of the Russian Federation by its ethnic and national composition, indicators of social and economic development, high level of conflict, etc. According to the author, many problems, including high conflict potential in the region, are closely connected with this factor. Therefore, neutralization of centrifugal tendencies in the national federation subjects should be considered in close interconnection of geopolitics, ethnic policy and security.

Ключевые слова:

Россия, Северный Кавказ, геополитика, регион, народ, конфликт, национальная безопасность; Russia, North Caucasus, geopolitics, region, nation, conflict, national security.

Особенностью Северного Кавказа как внутреннего пограничного геополитического региона Российской Федерации, накладывающей существенный отпечаток на важнейшие сферы жизни, является многонациональный, или полиэтнический, состав населения. Здесь проживает множество этносов, или народностей, принадлежащих к различным этнокультурным и языковым семьям, или группам, таким как кавказско-иберийская или иафетическая (грузины, народности черкесско-адыгской группы, горские народы Дагестана — аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы, рутульцы, агулы и др.; нахская группа, состоящая из чеченцев и ингушей и др.), иранская ветвь индоевропейской семьи (осетины на Северном Кавказе и в Южной Осетии, греки, таты, турки — азербайджанцы, кумыки, карачаевцы, балкары, ногайцы и др.) и др. Самая большая этническая группа на Северном Кавказе — это русские, значительную часть которых составляют казаки.

В этногеополитическом измерении границы Северного Кавказа как внутреннего геополитического пространства не заканчиваются на южной государственной границе РФ или северной границе закавказских государств, а простираются на территорию Южного Кавказа и дальше — на Ближний и Средний Восток. Здесь речь идет о наличии диаспор северокавказских народов, обосновавшихся со второй половины XIX в. в Турции, Иордании, Сирии и других соседних государствах.

Этим объясняется тот факт, что с точки зрения обеспечения национальной безопасности и государственного единства РФ на южных рубежах и самого Северного Кавказа ключевое значение имеет этнонациональный фактор. Множество других факторов по сути дела вытекают из него или же теснейшим образом связаны с ним. В большинстве, если не во всех республиках региона важнейшие сферы жизни, в т.ч. политическая, пронизаны этнонациональным, племенным, клановым, клиентелистским и иными началами.

ЭМИРОВ

Рашид

Маратович —

соискатель

факультета

политологии МГУ

им. М.В. Ломоносова

Политические симпатии и антипатии людей в значительной степени определяются их принадлежностью к определенной этнонациональной группе, тухуму, языку, клану, местности. Здесь нет просто абстрактных, статистических избирателей, а есть избиратели-лезгины, избиратели-кумыки, избиратели-аварцы и т.д. Любые проблемы социального, экономического, образовательного или иного характера так или иначе связаны с национальным вопросом. От степени решенности и/или нерешенности национального вопроса зависят основные векторы развития региона.

Иначе говоря, здесь, как ни в одном другом регионе России, проявляется взаимосвязь между геополитикой и этнополитикой, которые переплетаются в единый узел, непосредственно влияющий на жизнеспособность, суверенитет и единство государства. Более того, сочетание геополитического и этнополитического измерений при исследовании данного геополитического пространства приобретает значимость и актуальность в тех ситуациях, когда этнонациональная проблема становится источником разного рода противоречий и конфликтов, представляющих угрозу государственному единству и социально-политической стабильности в стране. Поэтому исследование этой темы в контексте национальной безопасности России приобретает большое значение не только для понимания и решения внутривнутриполитических задач страны, но и для разработки внешнеполитического курса в отношениях со многими соседними государствами.

Касаясь причин возникновения конфликтов на Северном Кавказе, К.С. Гаджиев писал, что они зародились «еще в рамках осуществления так называемой ленинской внешней политики... В теории провозгласив политику самоопределения народов, на деле государственно-административные образования, как правило, отнюдь не строились строго по этнонациональному признаку... Сам принцип территориально-административного размежевания по сугубо национальному признаку противоречил реалиям Кавказа. Произвольно установленные в советский период границы между республиками в наши дни стали потенциальным источником разнообразных конфликтов»¹.

В результате многократных и произвольных административно-территориальных переделок без учета этнонационального фактора многие этносы оказались разделенными между двумя или даже тремя-четырьмя республиками. Пагубность такой политики со всей очевидностью обнаружилась в условиях перестройки и развернувшихся за нею процессов распада СССР, когда на поверхность выплеснулись дремавшие до сих пор противоречия в сфере международных отношений.

В комплексе факторов, способствовавших росту по всей стране настроений и установок на суверенизацию, а в ряде случаев – активности радикальных групп, требовавших отделения от России и создания независимых этнонациональных государственных образований, значительную роль сыграли тенденции к политизации этнонациональных отношений и этнизма, возрождению тейповых, джаматских, тухумных и др. ценностей и установок, формированию националистических идеологий, основанных на политизации этнической истории.

В результате начался пресловутый «парад суверенитетов», создавший серьезную угрозу территориальной целостности как самой России, так и многонациональных и двунациональных республик. В этом контексте интерес представляет пример полиэтнического Дагестана, где сформировались и громко заявили о себе движения представителей каждого сколько-нибудь крупного по местным масштабам этноса с требованиями создания собственных государственных образований вплоть до отделения от России. Ряд национальных республик приняли собственные конституции, которые декларировали свой суверенитет и в целом ряде ключевых статей противоречили Конституции РФ.

Правда, в ходе административных реформ, осуществленных в течение последнего десятилетия и направленных на восстановление властной вертикали, многие перегибы в нормативно-правовой сфере северокавказских республик были преодолены. В дополнениях, принятых в конце 1990-х–2000-х гг., эти и схожие с ними статьи были либо полностью отменены, либо существенно смягчены.

В советский период взаимоотношения титульных и нетитульных этно-

¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2003, с. 77.

сов, их представительств в органах государственной власти регулировались центральными партийными структурами и органами государственной власти. Действовала так называемая квотная система заполнения властной вертикали национальных образований в соответствии с пропорциональной численностью каждого этноса. Как показывает опыт ряда северокавказских республик, эта система уже в советский период не срабатывала в должной мере. Тем не менее с некоторыми изменениями она была перенята властями РФ. Однако в ряде республик эта система, унаследовав негативные характеристики советского периода, еще дальше отдалась от принципов, норм и правил политической демократии и правового государства.

Взаимосвязь этнонационального и властного начал особенно отчетливо проявляется в полиэтнической Республике Дагестан, где борьба и распределение власти приобрели явно выраженный этнический характер. В республике, численность населения которой составляет около 3 млн чел., проживают представители более 100 национальностей, в т.ч. более 30 так называемых коренных народов, говорящих на самостоятельных языках, а титульными считаются 14 этнонациональных групп. Однако здесь уже в советский период примерно с конца 1930-х гг. сложилось положение, при котором первые роли в высших эшелонах власти перешли в руки одних и тех же двух-трех этнонациональных групп — аварцев, даргинцев и отчасти кумыков. После распада СССР имело место дальнейшее усиление этнократических тенденций, приведших к фактической монополизации высших постов в системе государственной власти представителями названных этносов. Об этом свидетельствует тот факт, что на протяжении всего постсоветского периода именно их представители занимают все три высших поста в республике — президента, председателя Народного собрания и председателя правительства Республики Дагестан. Более или менее доходные места на уровнях властной вертикали также распределяются среди представителей именно этих этнических групп или же тех представителей других этносов, которые для первых уже стали своими. С теми или иными нюансами

такое положение характерно и для других северокавказских республик¹.

Кланово-этническая система организации бизнеса и власти в сочетании с криминальной приватизацией привели к нарастанию в республиках неравенства по национальному признаку. Численность и титульность того или иного этноса гарантируют ему большинство политического представительства в законодательных и исполнительных органах власти республик. Ключевые позиции заняли коррумпированные властные, банковско-коммерческие структуры, которые образуют этнически окрашенные кланы. Они фактически монополизировали политические и экономические ресурсы и установили собственные неформальные механизмы принятия управленческих решений.

При таком положении вещей противоречия и конфликты между кланами в глазах простых людей выступают как межэтнические. В этом плане серьезную угрозу экономической безопасности представляют группировки, формирующиеся по признакам этнической принадлежности и землячества². Этнизация властной вертикали проявляется, в частности, в том, что правящие кланы используют для сохранения своих позиций правоохранительные органы, кадры которых подбираются с предельной тщательностью.

Как справедливо указывал В. Тишков, «причина неудачи разделения власти и этнической ротации в сложных по составу населения образованиях кроется не столько в самой системе консociальной демократии, сколько в недостаточном гражданско-правовом сознании населения и политиков и в определяющем влиянии криминально коррумпированных сил и связей, которые используют в своих интересах политическую мобилизацию по этническому и джамаатскому (местническому) принципу»³. Это, естественно, является фактором, нарушающим принцип пропорционального представительства основных этнонациональных

¹ Там же.

² Бекряшев А. К. Теневая экономика и экономическая преступность // <http://znanie.podlise.ru/docs/93319/index-1380.html?page=13>

³ Тишков В.А. Конфликты и федерализм. Федерализм и этнический фактор на Северном Кавказе. Общая оценка ситуации и природы конфликтов // Казанский федералист, 2002, № 2.

сообществ во всех трех ветвях власти как на республиканском, так и на муниципальном уровнях. Подобное положение вещей, естественно, служит источником противоречий и конфликтов, которые приобретают опасный для общества экстремистский характер.

Этими реалиями объясняется тот факт, что каждый раз те или иные решения, принимаемые властями, в глазах определенной части населения выглядят ущемляющими их интересы и оказываются резонансными. Так, идея воссоединения разделенных народов остается одним из стимулов, который время от времени может нарушать социальную и политическую стабильность в отдельных республиках.

Естественно, особой напряженностью и остротой характеризуются межэтнические отношения в так называемых биполярных республиках — Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, а также в многонациональном Дагестане. В двух первых республиках, наряду с Чечней и Ингушетией, ситуация осложняется тем, что балкарцы, карачаевцы, чеченцы и ингуши — репрессированные народы. В Кабардино-Балкарии, где проживают представители множества этносов, основные проблемы, угрожающие единству республики и обостряющие социальную и политическую ситуацию, возникают в отношениях между кабардинцами и балкарцами, представители которых борются за политическое лидерство.

В этом контексте обращают на себя внимание разного рода проекты перекройки этнополитической карты Северного Кавказа путем объединения конкретных этносов, входящих, в состав разных национальных республик, в единые автономные образования в составе РФ.

К примеру, Х.И. Тугуз выдвинул идею объединения всех адыгов в Адыгскую республику, в состав которой вошли бы автономные округа: Кабардинский с центром в г. Нальчике, Адыгейский — с центром г. Майкопе, Черкесский с центром г. Черкесске; карачаевцев и балкарцев — в Карачаево-Балкарскую республику в составе автономных округов: Карачаевский с центром в г. Карачаевске и Балкарский. В дальнейшем, по мнению Х.И. Тугуза, по этой модели можно было бы провести объединение других этно-

сов, таких как вайнахи, осетины, лезгины, ногайцы и др.¹

О популярности среди определенной части интеллигенции и политических кругов национальных республик подобных идей свидетельствует, например, проведение представителями черкесов 23 ноября 2008 г. в г. Черкесске чрезвычайного съезда черкесского народа, в работе которого приняли участие представители Международной черкесской ассоциации, черкесских общественных объединений из Кабардино-Балкарии, Республики Адыгея, Краснодарского и Ставропольского краев. Часть радикально настроенных участников съезда обвинили руководство КЧР в проведении этнократической кадровой политики в ущерб интересам черкесского народа. Они выдвинули требование о создании самостоятельного субъекта федерации в составе абазинов, адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов².

5 июня 2010 г. около 700 представителей черкесов, абазинов, русских и др. некарачаевских этносов Карачаево-Черкесии собрались на съезд, который принял резолюцию с требованием раздела республики и восстановления черкесской автономии в составе РФ, существовавшей со второй половины 1920-х до 1957 г. Такое требование обосновывалось доводами о том, что в Карачаево-Черкесской Республике сформировалась карачаевская этнократия, сосредоточившая в своих руках всю полноту власти. По мнению участников съезда, даже в тех случаях, когда самая важная должность сохранена за черкесом или русским, реальная власть находится в руках его заместителей-карачаевцев³.

Пока что нерешенным остается спор между Республикой Северная Осетия — Алания и Ингушетией о Пригородном районе. В Моздокском районе сохраняется межэтническая напряженность между чеченцами, ингушами, кумыками, турками-месхетинцами, с одной стороны, и русскими и осетинами — с другой. Прослеживается также тенденция к нарас-

¹ Тугуз Х.И. Региональная федерация: Юг России и проблемы развития // Федерализм на Юге России. — Ростов н/Д, 2003, с. 128–134.

² Вайханов Х.Х. Национальная безопасность России на региональном уровне: геополитико-конфликтологический подход // Южнороссийское обозрение, вып. 61. — Ростов н/Д., 2010.

³ Сухов И. Кавказская контурная карта // Время новостей, 7 июня 2010.

танию противоречий между коренными осетинами – иронцами и дигорцами и осетинами – переселенцами из Южной Осетии и внутренних районов Грузии – кударцами¹.

Нерешенной остается также проблема ногайского народа. В результате целого ряда перекроек административных границ он оказался разделенным между Ставропольским краем, Чеченской Республикой и Республикой Дагестан. Этим во многом объясняется тот факт, что ногайцы начиная с конца 80-х гг. требуют восстановления их единства в рамках некоего этнотерриториального автономного образования. Осенью 2012 г. в райцентре Терекли-Мектеб в Ногайском районе на севере Республики Дагестан прошел так называемый альтернативный съезд ногайцев, на котором снова было озвучено требование о создании автономии Ногайстан (Ногай-Эл) в составе РФ.

С точки зрения региональной и национальной безопасности РФ нерешенной остается также проблема некоторых народов Северного Кавказа, например осетин, лезгин, аварцев, рутульцев и др., оказавшихся после распада СССР разделенными государственными гра-

ницами между РФ, Азербайджаном и Грузией. В результате любое обострение ситуации на Южном Кавказе самым непосредственным образом отражается на положении дел в России. Более того, она автоматически вовлекается в любые конфликты, например между Грузией и Абхазией или между Южной Осетией и Грузией. Наиболее ощутимым и трагичным стало вовлечение России в грузино-югоосетинский конфликт, приведший к войне в августе 2008 г. Наглядное представление о взрывоопасности в этой сфере можно получить также на примере многотысячного бунта 1 марта 2012 г. в городе Северного Азербайджана Кубе, населенном лезгинами, которые были недовольны произволом властей Баку, осуществляющих политику насильственной азербайджанизации инонациональных граждан страны². Об этом же свидетельствует тот факт, что традиционно спокойный Южный Дагестан, населенный лезгинами и лезгиноязычными этносами, превратился в один из взрывоопасных регионов и так бурлящего Дагестана.

¹ Там же.

² Об этом см.: «Туран»: Причина бунта в Губе – бедность и безысходность, царящие в Азербайджане // <http://panorama.am/ru/politics/2012/03/05/azerbaijan-guba-turan/>